

18+

Татяна Меер

История болезни

Повестъ

Татьяна Меер

История болезни. Повесть

«Издательские решения»

Меер Т.

История болезни. Повесть / Т. Меер — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-596793-0

Способна ли любовь исцелить наивную, но искалеченную душу? Или только в здоровом теле может поселиться настоящая любовь? На эти вопросы приходится искать ответы Нине, молодой девушке с непростой судьбой.

ISBN 978-5-00-596793-0

© Меер Т.

© Издательские решения

Содержание

1	6
2	12
Конец ознакомительного фрагмента.	14

История болезни Повесть

Татьяна Меер

© Татьяна Меер, 2023

ISBN 978-5-0059-6793-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1

За стеной запел Крис де Бург о «женщине в красном». К концу второго куплета в мелодию начали вторгаться привычные стоны соседки и ритмичное поскрипывание дивана.

«Ну, вот, эта шалава Лизка опять до утра стонать будет. Когда только замуж ее кто-нибудь возьмет. Ни стыда, ни совести... Каждый день мужиков водит», – сварливым голосом привычно проворчала Ираида Вольдемаровна.

Соседка Лиза жила в соседней комнате. Раньше в этой комнате она жила с родителями, но после того, как Елизавета поступила в университет и пообещала стать известным журналистом, отец и мать со спокойной душой переехали в центр города. Лиза была далеко не самой умной девушкой, но с совершенно необоснованными социальными амбициями, видимо, из-за устойчивой репутации первой красавицы двора, школы, факультета. И, пользуясь преимуществами всегда свободной собственной жилплощади, вела, мягко говоря, легкомысленный образ жизни. Любой интересный мужчина, попадающий в поле ее зрения, автоматически попадал к ней домой и практически сразу на скрипящий диван. Под любимый сборник романтических мелодий Лиза демонстрировала счастливому избраннику весь набор эротических упражнений и диапазон своих стонов, всхлипов, упоминая то мать, то мадонну, то бога, срываясь на высокие частоты. Как правило, этот радиоспектакль продолжался за полночь, и Лизе было абсолютно все равно, что подумают ее соседи.

Ираида Вольдемаровна, замотанная безденежьем женщина, давно забывшая радости плотских утех после смерти мужа, считала, что так громко выражать свои эмоции хорошо воспитанная девушка из приличной семьи не должна. Так думать ей позволяли детские и юношеские воспоминания о бабушке, матери, Петербурге. Дело в том, что Ираида Вольдемаровна была коренной, как говорили в семье, жительницей Петербурга, точнее, Ленинграда, точнее, Санкт – Петербурга. Промотавшись больше десятка лет с мужем по гарнизонам и осев в провинциальном городке, Ираида Вольдемаровна так и не смогла привыкнуть к отсутствию в городе Исаакиевского собора, Невского, Эрмитажа. Она вообще считала, что жизнь жестоко обошлась с ней, превратив ее во вдову с ребенком – инвалидом на руках. Единственным своим козырем она считала свое дворянское происхождение и соответствующее воспитание, о чем не забывала напоминать всем коллегам в библиотеке и соседям по коммунальной квартире.

В коммуналке было три комнаты, в одной жила гулена Лизка, в другой – Ираида Вольдемаровна с дочерью Ниной, а в третьей – очень простая семья – Вера с мужем Петей и двумя ребяташками – погодками Ванькой и Аленкой. Вера была «некрасовская» дородная деревенская баба, принципиально не умевшая разговаривать тихо и на «вы». Петр был родом откуда – то с Украины или Белоруссии и работал строителем. Его единственной выдающейся чертой Ираида Вольдемаровна считала неумеренное пьянство, которое на самом деле выражалось в двух степенях опьянения – «относительной» и «абсолютной». В относительной степени Петр приходил домой сам, громко ругал правительство, жену, детей, устраивал обязательный скандал, иногда с мордобитием, и засыпал, оглашая всю квартиру мужицким храпом. В абсолютной степени опьянения Петьку притаскивал кто-нибудь из друзей – собутыльников и оставлял в общем коридоре квартиры. Вера, баба здоровая, по сравнению с мужем и вовсе мощная, привычно перетаскивала кормильца и защитника в комнату и с облегчением вздыхала: «Хоть сегодня без ругачки обошлось». И шла спокойно на кухню готовить ужин ребяташкам, которые боялись родительских скандалов, прячась на всякий случай в комнате у соседей, точнее, у Нины – дочери Ираиды Вольдемаровны.

Нина была ровесницей Лизы, и до болезни они ходили в один класс и были подругами. Во втором классе Нина, несмотря на прививку, заболела полиомиелитом. И началась история ее болезни, которая за пятнадцать лет превратилась в многотомник. Первые его тома содержали данные анализов, исследований, результатов очередного курса лечения. В последнем были только ежегодные выписки из протоколов комиссии о нетрудоспособности девушки. У Нины были поражены суставы и кости обеих ног. Передвигаться она могла только на костылях. Мир для нее давно замкнулся в стенах этой квартиры. В детстве мама учила ее игре на фортепиано, но инструмент пришлось продать после смерти отца. Теперь ее единственным развлечением остались книги, стеллажи с которыми занимали в их комнате почти две стены, да и мама приносила из библиотеки новые, в ярких обложках, женские романы с обязательным «хэппи эндом». Да еще иногда по телевизору показывали фильмы про красивую любовь.

За стеной Лиза уже второй раз переворачивала любимую кассету. Стоны и ритмичное скрипение дивана периодически прерывались, и тогда слышны были довольный Лизкин смех, отдельные фразы. За стеной царствовала любовь. Во всяком случае, так казалось Нине. Это мать называла Лизку непутевой, а Нина ей просто завидовала. Она считала жизнь соседки замечательной, полной любви и восторгов. Как это прекрасно любить мужчину, чувствовать свое тело в его крепких объятиях, подставлять его поцелуям губы, отвечать на поцелуи. Увы, счастье и любовь – удел избранных, а ей инвалидке только и остается подслушивать звуки чужой страсти со смешанным чувством зависти и собственной беспомощности.

Завтра Восьмое Марта. Елизавете с утра начнут звонить многочисленные поклонники, а вечером она отправится с кем-нибудь из них в ресторан или ночной клуб, о существовании которых Нина имела представление из обрывочных впечатлений соседки. А ей предстоит очередной грустный вечер перед тусклым экраном телевизора. Она давно перестала плакать над своей неудавшейся судьбой. Да и сколько можно? От слез все равно легче не становится. Да и ноги новые не вырастут.

Только во сне Нина осмеливалась мечтать. У нее был любимый сон, в котором она бежала по зеленому лугу. В ярко – синем небе сверкало солнце, вдалеке блестела река. Она знала, что на другом берегу ее ждет мужчина. Его смутный силуэт она видела, лица не могла разобрать. Но это был он самый – ее любимый. Пока в этом сне она могла только добежать до середины луга. Потом спотыкалась и падала, тут же просыпаясь. Нине казалось, что каждый раз она бежит все дальше и дальше. Может быть, когда–нибудь она сумеет во сне разглядеть лицо мужчины... Или, может быть, даже и сам сон сбудется... Но каждое утро приходилось вставать и ковылять на костылях мимо зеркала, в котором беспристрастное отражение подтверждало неизменность настоящего и беспросветность будущего.

Утро восьмого марта началось с непривычной суеты. Ираида Вольдемаровна решила сделать себе прическу, потом начала вертеться перед зеркалом, примеряя свои давно вышедшие из моды платья. На удивленный вопросительный взгляд дочери мать необычным голосом сказала, что они с девочками с работы решили собраться и посидеть. Все-таки праздник. Раньше в праздники Ираида Вольдемаровна пекла пироги, чтобы забрать с собой в компанию, а сегодня ни с того, ни с сего начала прихорашиваться. Компанию матери Нина знала давно: две разведенки с детьми, одна старая дева и мать – вдова. Одним словом, чисто библиотечарский коллектив. Несчастные женщины без единого мужчины.

Лиза с утра заняла ванную комнату, вызвав тем самым недовольство остальных жильцов. Когда же она выплыла из ванной в роскошном халате с ярким полотенцем, замотанном на голове тюрбаном, по квартире распространился дивный аромат чего – то, чему названия Нина даже не знала.

Вера с утра на кухне гремела кастрюлями, надеясь, что хоть в праздник муж не напьется.

Одна Нина не знала, как разнообразить свой быт в праздничный день и поэтому привычно уставилась в телевизор, где диктор бодрым голосом поздравлял всех женщин России и желал им любви, здоровья и красоты. Всего того, чего у Нины не было и не могло быть.

К вечеру Ираида Вольдемаровна, выбрав из своего гардероба самое нестарое платье, ушла, задорно напевая, чего Нина от нее давно не слышала.

Лизавета уехала с каким-то шикарным поклонником на роскошном автомобиле. Мужчине казался просто сказочным – высокий, стройный, с пышной шевелюрой. Нина хорошо разглядела его из окна. А Лизавета в красивой норковой шубке с распущенными волосами была ему под стать – просто голливудская пара.

У Веры муж все равно напился, просто на пару часов позже. И по давно установленному сценарию за стеной начался скандал. Малыши – Ванька с Аленкой тут же поскреблись в дверь и прошмыгнули к Нине от греха подальше. Что отец, что мать были тяжелы на руку, тем более в пылу выяснения отношений.

К девяти часам Вера закончила борьбу с мужем, заглянула к Нине, пожаловалась на свою горькую судьбу, забрала детей. Нина осталась в одиночестве смотреть праздничный концерт. Она услышала, как открылась входная дверь, но это пришла не мать, а Лизавета со своим сказочным мужчиной. Через минуту соседка влетела к Нине и попросила вазу для цветов («Столько цветов подарили – ставить некуда!») и стул («Представляешь, друг Эдуарда пришел с девушкой, а она на его глазах ушла с другим. Ну, Эдуард и позвал его с нами! А у меня ведь только два стула в комнате – мне больше зачем?»).

«Елизавета, ты скоро? Мы тебя ждали!» – прозвучал мужской голос. В следующее мгновение обладатель густого баритона оказался на пороге комнаты. «Так здесь еще одна девушка! Что же вы скучаете в праздник?! Пойдемте к нам! Посидим, выпьем шампанского, потанцуем», – Эдуард (а это был он, как сразу догадалась Нина) не обратил внимания на домашний халат Нины, на костыли, прислоненные к кровати.

«А что, действительно, Нинка, пошли, праздник ведь все-таки. Поди, так и просидела в комнате весь день», – Лиза как будто бы сама забыла о том, что Нина всегда сидит дома и никуда не выходит.

Нина даже не успела сообразить, что происходит, ее заколдовал голос Эдуарда, и, даже не подумав стесняться, потянулась за костылями. Она не видела в этот момент, как Лизавета взглядом и мимикой пыталась объяснить, что Нина – инвалид. Делать нечего, Эдуарду пришлось и дальше радостно расписывать подробности предстоящей вечеринки.

Нина проковыляла по коридору и застыла на пороге Лизиной комнаты. В центре комнаты на столе стоял огромный букет роз. «Такой букет мог подарить только настоящий мужчина», – промелькнуло в голове у Нины. Она неловко протиснулась мимо стола и уселась на диване, рядом с другим молодым человеком, на которого не обратила внимания. Она во все глаза смотрела на Эдуарда – он был воплощением женской мечты. И пусть он любит Лизу – она его достойна, а Нина просто прикоснется к чужому счастью, ей и этого достаточно.

Тем временем открыли шампанское, и Эдуард произнес тост за прекрасных дам. Нина впервые пробовала напиток, и он ей показался чудесным, восхитительным, как и сам вечер. Другого мужчину звали Василий, и он деликатно ухаживал за Ниной – передавал ей конфеты, почистил мандаринку. Когда «голливудская пара» пошла танцевать, Василий поднял тост за Нину, за ее доброту.

– С чего вы решили, что я добрая?! – удивилась Нина.

– Человека всегда видно по глазам. У злых людей не бывает добрых глаз.

– Что же, по-вашему, я добрая?

– Конечно. Человек, который знает, что такое собственная боль, может понять боль другого.

– Вы ошибаетесь, Василий, я не добрая. Я злая. Я, например, завидую сейчас Лизавете. И всем людям завидую, которые ходить нормально могут.

– Это понятно. Ведь вам действительно нелегко. Такой молодой, красивой девушке сидеть неподвижно дома – это очень тяжело. Для этого нужно мужество. Мне кажется, что не каждый мужчина вытерпел бы такую пытку. Вы давно болеете?

– Почти всю жизнь. С восьми лет.

– И все это время вы сидите дома?

– Нет. Когда был жив отец – мы ездили к морю, а потом его убили на войне в Чечне, и мы с мамой только по моим врачам ходили.

– Маме вашей, наверное, нелегко пришлось?

– Конечно, она же совсем молодая вдовой осталась. Не было бы меня, она, может, и замуж еще бы вышла. А так сами понимаете, кому она нужна с больным ребенком на руках, – девушка рассказывала о себе и матери по привычке бесстрастно и отстраненно.

– Нина, а чем вы целыми днями занимаетесь?

– Я книги читаю, телевизор смотрю. Варезки вяжу, носки. Мать их продает – хоть какая-то прибавка к моей пенсии.

– А кем работает ваша мама?

– Библиотекарем.

– Поэтому вы книги любите читать, да?

– А чем еще заниматься? Иногда, правда, с соседскими ребятишками мы «в школу» играем – я их считать учу, писать. Они хоть и маленькие совсем еще, но у них уже получается, – лицо Нины озарила светлая добрая улыбка.

– Нина, а можно я к вам в гости приду?

– Зачем?

– Мне показалось, что вам бывает одиноко.

– Нет, я привыкла. Да и, вообще, зачем вам это надо?! Что у вас нормальной девушки нет – вы со мной будете разговаривать?

– Нормальной – это как Лиза? «Попрыгунья – стрекоза»? Таких полно. Только хочется, чтобы у человека душа была. А такие – редкость.

Нина почувствовала, как ее раздражает собеседник, отвлекает от Эдуарда, который в это время уже предоставил своей партнерше возможность продемонстрировать свои хореографические таланты. Надо признать, Лиза старалась изо всех сил. Нина про себя ухмыльнулась, подумав, что сегодня ночью ей опять слушать сборник романтических мелодий.

– Нина, мне кажется, что мы с вами здесь уже лишние. Может быть, мы пойдем к вам?

– Да у меня, наверное, уже мать пришла.

Они, не прощаясь с хозяйкой, вышли из комнаты. Закрыв входную дверь, Нина с удивлением обнаружила, что мать еще не вернулась, хотя время было позднее. Выпитое шампанское давало о себе знать. Засыпая, Нина загадала, чтобы увидеть любимый сон.

Она проснулась от приглушенного разговора за шкафом, который делил комнату на две части. «Мать не одна! – поняла Нина. – «Она с мужчиной! Ничего себе, Восьмое марта! Все как с ума посходили!». Плохо было то, что перед сном Нина постеснялась сходить в туалет, чтобы не наткнуться на Эдуарда, а сейчас терпеть стало невозможно. Некоторое время она ворочалась в кровати, надеясь снова заснуть, но, в конце концов, поняла, что идти в туалет придется. Стараясь не шуметь, она встала, надела халат и потянулась за костылями, которые предательски гроыхнули.

– Нина, что случилось? – напряженным голосом резко спросила мать.

– Мама, я в туалет.

– Что, другого времени не нашла? Ладно, иди. Только быстро.

Как можно аккуратнее, Нина прошла вдоль стены, старательно глядя прямо перед собой и тщательно прикрыв за собой дверь. Мужчина, молча наблюдавший за неловкой походкой девушки, поднялся с кровати.

– Ну, ты и артистка, Ираида. Сказала, что дочка спит. А она совсем взрослая уже – лет восемнадцать.

– Я же думала, она спит.

– Спит, не спит. А взрослая уже, тем более, больная. Нет, я так не смогу, – мужчина в темноте шарил руками в поисках одежды.

Нина вернулась в комнату, когда мужчина уже торопливо застегивал брюки. Нина буркнула «Добрый вечер» и торопливо застучала костылями в свой угол. Через минуту, невнятно простившись с матерью, ночной гость хлопнул входной дверью. Ираида Вольдемаровна ворвалась в комнату, включила свет и сдернула одеяло с дочери:

– Ну, какого черта тебя в туалет понесло?! Что, потерпеть не могла?! В кои века познакомилась с мужчиной, так тебе надо все испортить! Я-то, в отличие от тебя, нормальная баба! Мне же мужика надо! Уродина ты несчастная! Калека убогая! – мать готова была ударить Нину, но дочь, как будто действительно ожидая удара, втянула голову в плечи, закрываясь рукой от беснующейся матери.

– Мамочка, прости меня! Я больше так не буду! Я же не специально. Я, честное слово, в туалет очень хотела! Прости меня, пожалуйста! – Нина ревела в голос, жалея и себя, и мать.

В голос ей вторила Ираида Вольдемаровна, у которой порыв гнева сменился горькой обидой на судьбу. Сколько же можно жить без мужа, ласки и заботы, хоть раз могло бы и повезти. Так нет же – собственная дочь все испортила. А той и вовсе женское счастье заказано – что с ней будет, когда помру. Даже детей и тех не будет, кто только кусок хлеба и стакан воды поднесет? За что же такая участь? – горько рыдала совсем не старая, даже почти привлекательная женщина. Не сейчас, конечно, но если причесать и приодеть, то не хуже других была бы. А ведь какая была красавица, когда замуж выходила за молодого симпатичного лейтенанта. И как с ним жили – горя не знали. Пусть по гарнизонам, но зато вместе везде. Как муж любил дочку, хоть Ниночка уже болела. Думали, что поправится, мечтали сына еще родить. Только все кончилось в тот день, когда муж отправился на войну в Чечню. Ираида, как чувствовала, не хотела, чтоб он ехал. Через три месяца пришла похоронка – в один день лицо прорезались скорбные морщины, поседели виски. А потом наступила бедность – не та интеллигентная, гордая бедность, которая бы свидетельствовала о приличном воспитании и образовании, а голодная, унижительная нищета. Приходилось мыть полы, работать где угодно и кем угодно, чтобы прокормить себя и ребенка, купить дочке лекарства и хоть немного фруктов. Но денег не хватало, как не старалась Ираида Вольдемаровна. Слава богу, нашлась работа в библиотеке, где разбогатевшие хамы не унижали ее человеческого достоинства. Наконец – то стали выплачивать пенсию за погибшего мужа, вместе с пенсией дочери можно было хоть сводить концы с концами. А если продать несколько пар варежек, то можно позволить себе новые колготки. Ладно, хоть на одежду для дочери тратится не надо – бедолага сидит дома и даже на улицу давно не выходит, стесняется своей хромоты. Жалко девчонку, но тут уж ничего не поделаешь – все врачи в городе давно отказались от Нины.

Немного позже, когда выплакали свое и общее горе, женщины затихли, тихонько всхлипывая.

– Прости меня, Ниночка, грешную. Чего только тебе не наговорила сдуру.

– Да ладно, мам, я не обижаюсь. Ты права – тебе бы замуж выйти, а я мешаю.

– Не говори так, как ты мне можешь мешать.

– Да я знаю, что всю жизнь тебе испортила.

– Я запрещаю тебе даже думать подобным образом. В память об отце. Ничего, проживем мы с тобой как-нибудь и без этих мужиков.

2

После праздника Лизавету было не узнать – она порхала по квартире, и после каждого свидания с Эдуардом забежала к Нине рассказать новые подробности их романа. Для Нины эти отношения были продолжением сказки, и она восхищенно слушала Лизу.

Ираида Вольдемаровна, видимо, из чувства вины пару раз купила Нине ее любимое мороженое, хотя о ночном инциденте никто не вспоминал.

Однажды в субботу, когда мать ушла на рынок продавать ненавистные вареники и носки, а Лиза уехала с Эдуардом за город, Нина вздрогнула от звонка в дверь. Вера из коридора прокричала: «Нинка, тут к тебе пришли. Можно пройти?» Нина растерянно ответила, что, конечно, можно. И в следующий момент на пороге комнаты появился Василий с букетом тюльпанов, тортом и бутылкой шампанского.

– Здравствуйте, Нина, вот как обещал, пришел к вам в гости. Вы не возражаете?

– Проходите, раз пришли. Только у нас не убрано.

– Да вы не стесняйтесь. Найдутся бокалы для шампанского?

Пока Нина доставала бокалы из буфета, пристраивала букет, Василий оглядел комнату. Бедность обстановки скрыть было невозможно. Старая мебель, телевизор советских застойных времен, обшарпанная обивка стульев, выцветшие шторы на леске – каждая деталь свидетельствовала о борьбе за выживание, которую ежедневно вели две одинокие женщины. Нина пригласила за стол, на котором стояли удивительно красивые и дорогие хрустальные фужеры, и две изумительные чайные чашки с заварочным чайником из очень тонкого фарфора. Рядом были две десертные тарелки из этого же сервиза.

– Вы извините, Василий, мы живем скромно. Только вот посуда из маминого наследства и осталась.

– Я нигде не видел такой посуды. Это, наверное, старинные вещи.

– Да, маме от бабушки достались.

– А кто ваша бабушка?

– Мама рассказывала, что она из настоящей дворянской семьи. Я ее никогда не видела – она в Петербурге жила.

– Так это получается, что в вас течет голубая кровь?

– Нет, голубая – это когда царская или очень знаменитая. А у меня – обыкновенная. Да и какая разница.

– Как какая? Вы посмотрите на свои руки – сразу видно породу. Какие у вас длинные ровные пальцы. Таких не бывает у простых женщин, – Василий осторожно взял руку девушки, но Нина непонятно почему смутилась и неловко отняла ее. – И лицо у вас очень красивое, выразительное. Давайте выпьем за вашу красоту!

– Василий, нельзя же так грубо льстить! Я, конечно, больна, но с головой у меня все в порядке! Я же вижу в зеркале, что ничего особенного во мне нет.

– Если не хотите пить за красоту, тогда просто за встречу. Хорошо?

– Договорились. Только давайте не будем больше обо мне говорить. Лучше вы о себе расскажите. Где вы работаете, чем занимаетесь?

– А разве вам это интересно?

– Конечно. По-вашему, я каждый день с новыми людьми беседую?

– Я даже не знаю, с чего начать. Сейчас я подумаю, а вы пока тортик попробуйте – в магазине обещали, что самый вкусный.

В этот момент Нина с ужасом осознала, что сидит в своем выношенном халате. Ей стало очень неловко: переодеться ей было не во что. Мать по давно заведенной традиции дарила ей на день рождения, а заодно и Новый год (благо, что день рождения у Нины 30 декабря), новый

халат. От смущения она опустила глаза и покраснела. Было стыдно за почти что оторванную пуговицу на манжете, за убогость обстановки в комнате. А на госте был хороший костюм, отглаженная рубашка, нарядный галстук. Понятно, что он ходит так каждый день. Нина украдкой рассматривала его: гладко выбрит, аккуратно подстрижен.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.